

Альтернативная культура Тюмени

Наталья Петровна Дворцова

АНДЕГРАУНД ПО-ТЮМЕНСКИ

**(«Большая Тюменская энциклопедия»
Мирослава Немирова)**

В статье предпринята попытка интерпретации книги М. Немирова «О Тюмени и о ее тюменщиках» с точки зрения воссозданного в ней опыта альтернативного образа жизни в «нефтегазовой столице» 1980–1990-х гг.

Захватывающе интересная (оторваться невозможно), умная, веселая и печальная книга М. Немирова «О Тюмени и о ее тюменщиках» принадлежит к тем книгам, которые широко известны в узких кругах, и представляет современный самиздат. Каждый из семи ее выпусков¹ автор, по его словам, распечатывал на собственном принтере «в количестве около трех экземпляров». «Тюменским людям» она чаще всего известна (слава компьютеру!) в электронной версии.

Читателям, которым не внятли слова «ризом вместо структуры», она кажется странной, чрезмерно вольной, эпатирующей — и лучше бы ее не было! Для всех остальных эта легко и талантливо написанная книга — оригинальное, ни на что не похожее явление русского постмодернизма, в границы его, однако, явно не укладывающееся, о чем, в частности, свидетельствует самиздатский характер ее распространения. Постмодернизм сегодня, как известно, модное явление, новый истеблишмент, хорошо тиражируется и покупается, чего не скажешь о М. Немирове. Дело здесь, видимо, не столько в провинциальном происхождении автора², сколько, осмелимся предположить, в том, что М. Немиров, авангардист по духу, странным образом соединил в собственной судьбе и творчестве андеграунд и постмодернизм, более того, остался «агэшником», человеком богемы в постмодернизме.

Андеграунд сегодня принадлежит к понятиям, широко употребляющимся и достаточно неопределенным [Андеграунд 1998: 172–199]. Отечественный андеграунд (альтернативная, неофициальная, нонконформистская культура), существенно отличающийся от западного, предстает как феномен исторический, связанный с 1950–1980 годами, и психологический, «вечный». Он стоит в ряду с такими понятиями, как богема (а иногда и отождествляется с ней), культура сопротивления, внутренняя эмиграция, диссидентство, тамиздат, самиздат.

Как жизненное и творческое поведение андеграунд характеризуется, очевидно, двумя основными чертами. Во-первых, это культура противостояния (политического, эстетического, «стилистического») соцреализму (в советские времена), коммерческому искусству (в постсоветский период). Во-вторых, у писателей андеграунда такие отношения с читающей публикой, журналами, издательства-

Михаил ФЕДОСЕЕНКОВ

Воздух звонок, как топор,
 И облаками разговаривают псы.
 А я иду по улице Лышминской,
 Вкусная дымя березовых поленьев
 И еще какой-то по-домашнему
 родной-родной
 Сведобный дух — то ли щей-борщей,
 То ли пирогов с картофелем
 и луком,
 То ли киселя из малины
 и смородины...
 А дорога зычно — на всю округу —
 Скрипит свежим солнечным
 снежком,
 Легчайшим разреженным пухом,
 Покрывшим ее к утру.
 Наугад сворачиваю на Ирмлянскую,
 Не спеша, в полном одиночестве,
 пересекаю
 Трактовую, Совхозную, Колхозную,
 Наконец оказываюсь на Салехардской,
 Пересекающей их же,
 но в обратном порядке...
 Льянея от покоя и осязаемости
 пространства,
 Туляю со счастливой улыбкой
 Человека, по волшебному мановению
 Вновь ощутившегося в детстве...
 Хотя я здесь никогда не жил.
 Но почему-то так отрядно
 подробить
 Окраинной древенчатой Тюменью...
 Вот-те на! Улица Шахтеров.
 Это уж совсем подарок судьбы
 Мне, бывшему кемеровчанину,
 Выросшему среди вот таких же
 Захолустных, полудеревенских
 Стваловых,
 Штрековых, Коперных, Паровозных,
 Горняцких, Карьерных,
 Рудничных...
 Ура!

ми, писательскими союзами и организациями, в результате которых их произведения существуют как «негутенберговская литература» [Андеграунд 1998:191], проходящая мимо читателя.

Своего рода философию отечественного андеграунда и классический портрет «агэшника» создал в романе «Андеграунд, или герой нашего времени» (1998) В. Маканин. Андеграунд как явление универсальное, вневременное, с его точки зрения, — это «подсознание общества», которое так или иначе влияет на его сознание [Маканин 1999: 526]. Это та «другая», неканоническая, культура, без которой невозможна культура канона и которая обеспечивает целостность культурного опыта человека. Это явление трагическое и необходимо-закономерное. «Племя подпольных людей», «родословную» которых В. Маканин возводит к отшельникам древности, — это племя юродивых и шутов, чье существование не зависит от смены властей. «Андеграунд, — утверждает писатель, — это сопровождение — Божий эскорт суетного человечества» [Маканин 1998: 509].

Как текстовая фигура «агэшник» возникает у В. Маканина на пересечении ряда лейтмотивов, создающих своего рода андеграундную парадигму:

- 1) противостояние (протест) официальному, властному, модному;
- 2) связь с КГБ (вплоть до идеи о том, что андеграунд — порождение КГБ);
- 3) маргинальность;
- 4) бездомье (среда обитания «агэшного» человека — общаги, подвалы, чердаки, вокзалы — маргинальное пространство);
- 5) тема алкоголя и пьянства;
- 6) тема психиатров и психушек;
- 7) художественное одиночество «агэшника» и феномен кружка (секты);
- 8) проблема читателя (издания) андеграундной литературы.

Очевидно, что вся эта андеграундная парадигма присутствует в книге М. Немирова, но представлена она здесь, что естественно, в уникальном — тюменском — варианте. И хотя цель, которую ставит перед собой автор — «описать словами на бумаге абсолютно все, что

только ни есть в Тюмени ... + описать абсолютно все, что имеется в остальной Вселенной – в приложении к городу Тюмени», – основной событийный пласт в тексте связан с «альтернативными моделями жизни» тюменщиков 1980-х и с судьбами «тюменских богемцев» в 1990-е гг. Это, впрочем, вынужден признать и сам автор, утверждая в «словарной статье» «Богема и богемный образ жизни», что, «собственно, о мыслящих тростниках, таким образом жизни занятых, в данной энциклопедии речь почти исключительно и идет».

Как и полагается энциклопедисту, М. Немиров создает портрет типичного тюменщика в его истоках, наиболее ярких образцах и разновидностях. Тюменщики, андеграундно-богемное племя тюменцев, с его точки зрения, – органичное порождение родной почвы с ее особыми «излучениями». Неизвестно, знаком ли М. Немиров с идеей Б. Гройса о рождении социализма и соцреализма из духа русского авангарда, но он совершенно справедливо утверждает, что Тюмень и область «последние тридцать лет есть продукт сугубо авангардистского образа мысли: понастроить городов в тундре и поселить огромное количество людей там, где жить наиочевиднейшим образом нельзя, есть одно из самых чистых проявлений авангардистского лозунга «И на Марсе заставим яблони цвести». С этой точки зрения (М. Немиров прав) Тюменский регион – действительно крупнейший авангардный проект советской власти.

Столь сложная наследственность определяет тот факт, что характер типичного тюменщика предельно противоречив и тяготеет к двум полюсам. Первый из них представляет самый прославленный в мире из тюменщиков Григорий Распутин, чьи «штуки, дрюки и ухватки» продолжают жить в мыслях и делах немалого числа потомков. Второй – старец Федор Кузьмич, в судьбе которого наиболее полно раскрылась важнейшая черта тюменщика – на самой вершине успеха взять и уйти, бросив все, «погрузиться во внутреннюю жизнь».

Типичный тюменщик, по М. Немирову, склонен к авантюрам и созданию грандиозных планов по переустройству мира, знает немало способов его тотального и немедленного преобразования, время от времени впадает в запойное пьянство и буйство во время оно и никак не может сделать окончательный выбор между карьерой (бизнесом) и духовными исканиями. Причем все это характерно для людей «тюменской национальности», независимо от того, принадлежат ли они к древнетюменщикам (приступившим к осознанной жизнедеятельности еще в семидесятые), старотюменщикам (поколение первой половины 1980-х гг., к которому принадлежит и сам М. Немиров), младотюменщикам (вторая половина 1980-х гг.) или неотюменщикам (поколение 1990-х, когда М. Немиров становится москвичом). Тюменщики, впрочем, широко распространены в мире племя, во всяком случае классического тюменщика М. Немиров, например, находит среди американцев.

Главные герои «Большой Тюменской энциклопедии», тюменщики «чрезвычайной выдающести» (А. Михайлов, В. Богомяков, А. Струков, Ю. Шаповалов и др.), принадлежат к поколению, которое было названо В. Пелевиным поколением «парадигматического сдвига». Это поколение, которое «было запрограммировано на жизнь в одной социально-культурной парадигме, а оказалось в совершенно другой» [Пелевин 1997: 46]. С этой точки зрения, книга М. Немирова стоит в ряду романов о поколении, которые появились не без влияния мировой славы «Поколения X» (1981) Д. Коупленда и которые представлены произведениями В. Маканина («Андеграунд, или герой нашего времени», 1998) и В. Пелевина («Generation 'P' », 1999). Справедливости ради надо отметить, что книга М. Немирова занимает в этом ряду совершенно особое место, ибо написана в «хитроумном и специфическом» жанре энциклопедии.

Поколение «тюменских богемцев» («новых, дерзких и офигительных») было рождено противостоянием времени, о котором М. Немиров пишет: «... вокруг

было так, как будто никаких восьмидесятых не было, а после семьдесят девятого наступил семьдесят десятый, затем семьдесят одиннадцатый и так далее, и так далее: пять лет спустя это время было обозвано эпохой застоя, и это верное наименование, так оно и было: скука, тоска, неподвижность, уныние, затхлость, дряхлость, и воздух выдышан весь, до последней молекулы». Именно в этой атмосфере могучая «сила вести иную жизнь» рождала многочисленные эксперименты с альтернативными моделями жизни.

Один из героев книги М. Немирова, например, в 1978 г. «имел обыкновение бродить по центральным улицам Тюмени в длинной до пят шинели без знаков различия, имея при себе скрипку в футляре и латунный тепловозный гудок, из которого извлекал дикие звуки в самых неподходящих для этого местах». Летом 1972 г. он же предпринял одиночную акцию прохождения всей улицы Мельникайте босиком. «Кто не жил в те времена, — утверждает он во времена нынешние, — тот не поймет, что эффект от этого перформанса был таким, как если бы в 1996 г. он поперся бы по вышеозначенной улице нагишом».

В ряду разнообразных форм эпатирующего и протестного поведения, описанных энциклопедистом М. Немировым, оказываются и новые (мирно уживающиеся со старыми, традиционными) экстравагантные формы употребления веселящих напитков. Если учесть, что М. Немиров рассказывает в книге о временах знаменитой антиалкогольной кампании в СССР 1985-1991 гг., то надо подчеркнуть, что БТЭ — это колоссальная по объему всевозможных сведений энциклопедия форм и способов винопития и алкоголизации организмов, которая, пожалуй, превосходит в этом бессмертную поэму Вен. Ерофеева «Москва-Петушки».

Одним из уникальных тюменских способов борьбы «за полную победу всего хорошего над всем плохим» стало в Тюмени начала 1980-х гг. движение дудуизма³, возникшее на почве Алкогольного клуба (он же Алкоклуб). Тюменских людей объединил в нем не только «чрезвычайно высокоорганизованный метод употребления спиртных напитков», но и новый образ жизни и миропонимания. Он казался «чрезвычайно замечательным, необыкновенным и революционным»: «каждый день с энтузиазмом пить много водки, слушать, трепеща от восторга, «Зоопарк» и «Аквариум» и с жаром говорить всякие глупости обо всем, и все обсуждать, и все понимать». С Алкоклуба, считает энциклопедист М. Немиров, в Тюмени начинается реальное существование богемы как особой социальной группы со своими обычаями, нравами, ценностями, способами добывания средств на жизнь, местом в общественном воспроизводстве интеллектуально-эстетической продукции.

Однако безусловной вершиной андеграундно-богемной жизни города в 1980-е гг. стало рождение тюменского рока, историю которого М. Немиров рассказывает, как и полагается энциклопедисту-постмодернисту, субъективно, подробно, вдохновенно и весело.

Рок-музыка, как и в целом рок-культура, стала для тюменщиков 1980-х не просто «подрывной прокламацией», но «Революцией». Благодаря ей, «мир на глазах менялся и становился другим: и новым, и неожиданным, и дурацким. И — непредсказуемым». Для поколения новых и дерзких рок-музыка (идиотская и замечательная, по словам М. Немирова) была ни больше, ни меньше как Весть — благая Весть о рождении нового человека, новой Правды, новой религии, оборачивающейся для новоявленных «деятелей мировой революции посредством музыки рок» ничем иным, как новой идеологией. Идолы отечественного рока типа Б. Гребенщикова становятся для тюменщиков, «все равно как Маркс с Энгельсом». В Питер едут, «как ходоки к Ленину: Правду узнать».

Естественно, что тюменские рокеры сразу становятся объектом пристального внимания парткомов и профкомов и, благодаря их активным действиям по искоренению заразы, «Героями антисоветского сопротивления». «Это им, — ут-

А. В. Чемакин.
*Роспись забора возле Дворца
 культуры «Строитель». 1990-е*

верждает М. Немиров, — объясняют в КГБ, в которое их давай по одному водить на беседы». Последствием всех этих событий стало возникновение знаменитых тюменских рок-групп («Инструкция по Выживанию», «Гражданская оборона», «Культурная революция») и, что особенно важно, по мнению М. Немирова, появление в Тюмени большого количества людей, занимающихся «всеми подряд новейшими культурными явлениями», «деятелей авангардных искусств».

Авангардно-андеграундный бунт тюменщиков 1980-х сменился постмодернистской по духу культурной ситуацией 1990-х, которая принесла с собой идею относительности всех ценностей, гетерогенность и полицентризм культуры. На смену бунтарски-идолопоклонским формам поведения членов рок-секта приходит многообразие форм перестроечной жизни. Герои БТЭ проходят через искушение всеми формами вдруг свалившейся на них свободы. Ощувив себя истинными наследниками духа Распутина, они пропускают через свое сознание гремучую смесь постсоветских «измов»: патриотизм «Отечества» (тюменский извод общества «Память»), антисемитизм, коммунофашизм, оккультизм, религиозный мистицизм различного толка и т. п. Они участвуют в зарождающемся кооперативном движении, в различных формах бизнеса, в создании банковской системы и т. д.

Истории жизни многих тюменщиков в это время напоминают авантюрно-плутовские романы. Так, один из наиболее легендарных (по М. Немирову) старотюменщиков Джимми Попов в начале 1990-х, оставив позади работу вертолетчика на Севере, учебу в университете, председательство во втором рок-клубе и т. п. занятия, становится экстрасенсом международной категории. В компании выдающихся тюменщиков он отправляется в поездки «по городам и весям в

Мирослав НЕМИРОВ
ВОРОВСКОГО УЛИЦА

Продолжает ул. Республики, Главную улицу Тюмени, которая подобна примерно древнеегипетскому Нилу: как вдоль Нила одного только и протекала вся жизнь египтян, так вся жизнь людей города Тюмени, принято считать, происходит вдоль улицы Республики. Начинается она от городского краеведческого музея, и заканчивается возле ресторана Русь, сразу за которым начинается пустырь.

Но если смелый путешественник осмелится пересечь этот пустырь, с большим изумлением он обнаружит — там, за Республикой, еще в две Республики улица длиной, обставленная домами в 9 этажей, в которых живут люди! Там, в сущности, целый параллельный мир, о котором неизвестно ничего. Ибо если там кто когда и бывал, так только в пьяном виде. И ничего не запомнил.

Пример?

Автор этих строк.

Он там трижды бывал, все три раза был при этом именно что пьян, а в третий, последний раз, подрался при этом с Шаповаловым Ю.

При этом они были в гостях у одной дамы, там и подрались; потом дрались на лестничной площадке, потом в лифте. Лифт ехал. Потом из-за драки он поломался; драться они к тому времени уже устали, но торчать в поломанном лифте очень скучно, потому они время от времени начинали драться опять, пока не приехали менты. Из лифта они их вызволили, но только затем, чтобы запечатать в помещение размером, хоть и больше, но ненамного.

Вот, что имеется на улице Воровского.

Кроме того, Гузель утверждает, что еще на ней есть единственный в городе Тюмени подземный переход.

Если у кого есть еще какие-либо сведения об улице Воровского, что ж, пускай представит их мне — я их охотно опубликую.

целях лечения и обучения народа мастерству эзотерических приемов экстрасенсорной направленности» и зарабатывает кучу денег.

Для понимания книги М. Немирова чрезвычайно важен тот факт, что она не является историей тюменского рока и тюменских богемцев, а представляет собой энциклопедию. Поэтому в ней нет хроникального сюжета традиционных линейных текстов. С ними ее объединяет только одно: последовательность букв русского алфавита. Как и полагается в энциклопедии, «статьи» в книге М. Немирова расположены в алфавитном порядке.

Эпоха «парадигматического сдвига» (смены многовековой культуры модерна постмодерном) с ее переоценкой всех ценностей заставляет художника искать новые (несюжетные) способы упорядочить мир, превратить хаос становящейся реальности в космос текста. Культура последних десятилетий XX в. накопила немалый опыт такого парадоксального структурирования текста-мира: от клубка нитей (Р. Барт), набора почтовых карточек (Ж. Деррида), картотек (Л. Рубинштейн), словаря, карт таро, ящика письменных принадлежностей, меню и т. д. (М. Павич) до компьютерных гипертекстов и паутины (сети) интернета. Алфавитный принцип М. Немирова — в этом ряду. Он максимально соответствует взгляду на текст не как на структуру, а как на ризому, где нет доминант и иерархий, центрального и маргинального, где все в равной степени важно. Алфавитный принцип упорядочения текста, очевидно, наиболее адекватен такому состоянию мира, когда он нов, неосмыслен, неозначен и любой пустяк может стать в нем абсолютной ценностью.

В книге М. Немирова алфавитный принцип построения текста соединяется с энциклопедическим, игровым и пародийным по духу. Как и полагается постмодернистскому писателю, М. Немиров иронически осмысляет опыт двух великих энциклопедий: «Евгения Онегина» — классической энциклопедии русской жизни XIX в. и Большой Со-

ветской энциклопедии (БСЭ), с которой автор, по его словам, не конкурирует, а которую дополняет за счет Большой Немировской (БНЭ) и Большой Тюменской (БТЭ) энциклопедий. Книга М. Немирова оказывается, таким образом, серьезной и веселой одновременно игрой в энциклопедию, то есть, собственно, энциклопедией энциклопедий: метаэнциклопедией и множеством энциклопедий. Множество состоит из следующих основных «элементов», существующих в чистой абстракции, а в тексте соединенных разнообразными и неизвестными (пока) типами связей, важнейшая из которых — алфавитная.

1. Общая (Большая) энциклопедия Всего (БЭВ) — «познавательные и увлекательные сведения обо всем подряд ... в алфавитном порядке». Это «тотальное сочинение», ибо замысел автора — «все написать обо всем. Полная картина мира и всех его деталей»⁴. В сущности, у М. Немирова это получается, с одной лишь оговоркой: это «тотальное сочинение» «с позиций представлений о мире советского человека из толщи безвестной жизни, каковой является ... тюменская».

2. Большая Немировская энциклопедия (БНЭ). Несмотря на то, что «автор является сторонником скромности», ему не удается избежать этой, как он говорит «чрезмерной чрезмерности» — создать энциклопедию собственной жизни. Воспитанные на классической идее о том, что история одной человеческой души может быть интереснее истории целого общества, мы не можем этому не порадоваться.

3. Большая Тюменская энциклопедия (БТЭ), плавно переходящая в Большую энциклопедию тюменской андеграундно-богемной жизни 1980-х–1990-х гг.

4. Большая энциклопедия тюменского рока и ближайших музыкальных окрестностей вселенной.

5. Большая энциклопедия вин, винопития и способов алкоголизации организмов. Здесь М. Немирову, пожалуй, нет равных в русской литературе XX в.

6. Большая энциклопедия поэтов (от Арапова, Асеева, Вознесенского до Вс. Некрасова, Пастернака и т. д.) и поэзии с разного рода комментариями и критическим анализом.

7. Большая энциклопедия современных жанров: от анекдотов, «историй» (они же — байки), дневника, словарных статей до научно-популярных познавательных сочинений.

8. Большая энциклопедия «картинок». В доступной нам электронной версии текста картинок, правда, нет, но, судя по замечаниям автора, благодаря им книга должна стать Большой энциклопедией поп-культуры в ее визуальном аспекте.

Возможно, этот ряд можно продолжить, если посмотреть на книгу еще с какой-нибудь точки зрения.

Сам М. Немиров тексты такого рода, представляющие собой, по его словам, хаотический конгломерат всего подряд, называет мультимедийными метатекстами и считает «наиотличнейшим выражением ... постмодернистского сознания». В этом с автором нельзя не согласиться, но его, как мы думаем, необходимо дополнить.

Виктор ЗАХАРЧЕНКО

*Зимний день, чуть-чуть похожий
на весну,
Чертит влагой по замерзшему
окну,
Солнце выплеснуло охры
островки,
Ярко-желтые, как летние
желтки.
Потянуло зябкой сыростью
с Туры,
Проходные заневестились дворы,
Шепчет робкая капель,
едва дыша,
И оттаивает зимняя душа.
На Крещение сотворились чудеса,
Ненадолго пусть — всего
на полчаса.
Нежно-розовыми красками закат
Завершил веселой жизни
цветоряд.*

Книга М. Немирова, с нашей точки зрения, — замечательный образец гипертекстовой литературы, появившейся в мире, как известно, в 1990-е гг. и напрямую связанной с компьютерными технологиями. Она является выражением современной картины мира с его новым, небывалым доселе уровнем сложности, хрупкости и неизвестности. Гипертекстовая словесность является по-новому многомерной, ибо представляет собой множество текстов в одном тексте. В книге М. Немирова мы выделили как минимум восемь текстов (энциклопедий), каждый из которых, в свою очередь, состоит из большого количества других текстов (прежде всего «словарных статей»). Кроме того, книга написана по законам интерактивной технологии, она рождается каждый раз заново в процессе соединения творческой активности читателя и автора. Читатель в пространстве собственного сознания и создает версии текста, которые могут совпадать или не совпадать с авторскими.

Создав произведение гипертекстовой литературы, М. Немиров, очевидно, не только подтвердил свою репутацию авангардного писателя, но и статус писателя богемно-андеграундного. Он, конечно, может, рассуждая о взаимоотношениях художника и власти, поэта и масс-медиа, соглашаться с модной идеей о том, что «нужно, необходимо поэту нынче становиться поп-звездой и торчать в телеэкране. И чтобы газеты желтой прессы сообщали сенсации о его жизни. В целях выживания и сохранения самой поэзии, с целью ее самообороны. Чтобы обыватели поэта уважали и хоть стихов его, может, и не читали, но знали: это крутота, не по нашему уму. То есть ... жизнь заставляет ... культивировать образ поэта как ... героя для толпы».

Но в действительности М. Немиров всегда был и остается в ряду тех радикально мыслящих «авангардных деятелей», которые ведут «войну с поп-культурой за умы ... на уничтожение». «Или она — поп-культура — полностью все уничтожит и везде будет только Илья Резник и Влад Сташевский, — пишет М. Немиров, — или мы отобьемся, их оттесним, свое отстоим. И при этом так отстоим и так себя поставим, чтобы для всех было очевидно: есть Царьград, который — цивилизация, культура, истинная вера, мощь, блеск, сияние и слава, и есть жалкие варвары в шкурах, которые ... дико жируют на пепелищах былого величия».

Поэтому так часто в веселой книге М. Немирова об извечно-трагической судьбе поэта звучат мотивы «панического ужаса, страха, тоски, отчаяния и прочих аналогичных эмоций». Поэтому так часто говорит он о том, что «жизнь совсем без денег утомила до крайности»⁵. Но именно поэтому мы знаем, что, хотя пирует и жирует «позорный Истамбул», есть и всегда будет великий Царьград подлинного искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В статье речь идет об электронной версии 7. 1 от апреля 1998 г.

² М. Немиров родился в Ростове-на-Дону, а учился в Надыме и Тюмени.

³ Название движения, по мнению М. Немирова, происходит от русской народной песни:

Колокольчики-бубенчики ду-ду,

Я сегодня на работу не пойду.

И припев:

Колокольчики-бубенчики ду-ду —

Я и завтра на работу не пойду!

⁴ Комментируя этот свой замысел, М. Немиров заявляет следующее: «А если кто начнет

меня убеждать, что это невозможно, я отвечу: мало ли, что невозможно! А если — хочется? А если то самое происходит в голове автора, что происходило в голове Ноздрева, когда он убеждал Чичикова, который отказывался играть на щенка, аргументируя это тем, что, дескать, зачем мне собака: «Да вот как-то мне хочется, чтобы у тебя были собаки!»

⁵ Печальный лейтмотив книги — «абсолютное отсутствие денег, нет даже на сигареты, опять приходится собирать окурки».

ЛИТЕРАТУРА

1. Андеграунд вчера и сегодня // Знамя. 1998. № 6.
2. Маканин В. Андеграунд, или герой нашего времени. М., 1999.
3. Пелевин В. Чапаев и Пустота. М., 1997.